

**Бедность и доходы в регионах Северо-Кавказского федерального округа:
общее и особенное**

Кулова М.Р., к.э.н., ведущий научный сотрудник лаборатории прикладной социологии и конфликтологии, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Россия

Аннотация. Цель данного исследования состоит в выявлении общего и особенного в динамике бедности и доходов в регионах Северо-Кавказского федерального округа на основе методов статистического и сравнительного анализа.

Проблема сокращения бедности требует адекватной экономической политики государства в сфере заработной платы и формирования условий для существенного расширения доли доходов от собственности и предпринимательской деятельности, что особенно актуально для регионов СКФО.

Ключевые слова: бедность, доходы, прожиточный минимум, регион, Северо-Кавказский федеральный округ

**Poverty and Income in the Regions of the North Caucasus Federal District:
General and Special**

Kulova M.R., candidate of economic Sciences, leading researcher, laboratory of applied sociology and conflictology, Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russia

Annotation. The purpose of this research is to identify the general and special features in the dynamics of poverty and income in the regions of the North Caucasus Federal district based on statistical and comparative analysis methods.

The problem of reducing poverty requires an adequate economic policy of the state in the sphere of wages and creating conditions for a significant increase in the share of income from property and business activities, which is especially important for the regions of the North Caucasus federal district.

Keywords: poverty, income, living wage, region, North Caucasus federal district

Актуальность проблемы социально-экономической отсталости субъектов Северо-Кавказского федерального округа с их значительным, более 2,5 раз, отставанием душевого ВРП от среднероссийского уровня носит общеизвестный характер. Неэффективность институтов, созданных для разработки и реализации социально-экономической политики, решения болевых вопросов в макрорегионе, в частности, безработицы и бедности, признана и в органах государственной власти, и в научной среде, и в обществе.

Одной из главных проблем в округе выступает бедность, имеющая характерные признаки и факторы бедности в России в целом, и в тоже время свои отличительные особенности, требующие дальнейшего теоретического анализа и осмысления с последующим воплощением предлагаемых рекомендаций в релевантных государственных решениях.

Цель данного исследования состоит в выявлении общего и особенного в динамике бедности и доходов в регионах Северо-Кавказского федерального округа на основе методов статистического и сравнительного анализа.

В научной литературе есть немало работ, посвященных изучению и оценке уровня бедности в России в целом, и не так много работ по исследованию уровня бедности в СКФО.

При описании основных характеристик бедности в России М. Бикеева рассматривает: во-первых, экономическую бедность занятых в бюджетной сфере и социальную бедность семей с детьми и пенсионеров, во-вторых, сильные

межрегиональные различия в уровне бедности.¹ Следует согласиться с мнением о том, что использование величины прожиточного минимума в качестве показателя уровня бедности не создает каких-либо условий для адекватного удовлетворения физиологических и социальных потребностей человека.² На основе проведенного корреляционно-регрессионного анализа автор приходит к выводу о двух ключевых факторах уровня бедности, – уровне безработицы и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций³.

Из совокупности социально-экономических, политических, демографических и иных факторов уровня бедности в регионах СКФО Д. Магомедова выделяет в качестве ведущего экономического фактора низкий уровень оплаты труда и среднедушевых денежных доходов вследствие спада производства в постсоветский период.⁴ На наш взгляд, на уровень бедности в регионах Северного Кавказа влияет не только низкий уровень оплаты труда, но и низкая доля оплаты труда в структуре денежных доходов населения по источникам формирования, а также сама специфика структуры денежных доходов.

Что касается воздействия институтов традиционного общества на уровень бедности в субъектах СКФО, то в определённой степени это имеет место, хотя вряд ли можно согласиться с утверждением о доминировании натурального хозяйства в структуре домохозяйств и связанной с этим якобы структурой потребления. Также спорным, на наш взгляд, является тезис о низких социальных потребностях, формируемых в условиях традиционного общества, и вследствие этого минимизацией прожиточного минимума.⁵ Конечно, в горском

---

¹ Бикеева М.В. Бедность в России: ключевые подходы к анализу и оценке // Статистика и экономика. – 2018– Т.15 – № 3. С.26.

²Зубова Л.Г.Неравенство и бедность в России: динамика, причины, необходимость преодоления // Народонаселение. – 2017. – №3 (77).С.105.

³ Нестерова С.И. Исследование регионального уровня бедности в российской Федерации // Вестник НГИЭИ. – 2018. – №11.С.33.

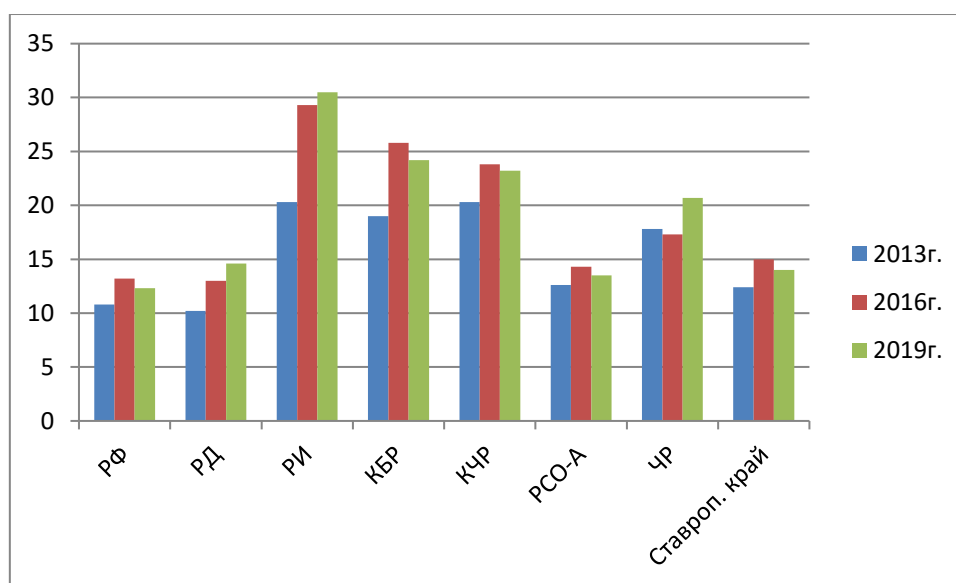
⁴ Магомедова Д. Г. Факторы бедности в регионах Северного Кавказа // Вопросы структуризации экономики. – 2012. – №3. С.162.

⁵ Рахаев Б. Проблемы бедности на Северном Кавказе / Б.Рахаев, А.Рахаев, Б.Бизенгин // Общество и экономика. – 2014. – №1. С.155.

обществе Кавказа минимальные социальные запросы являлись нормой, но в современном обществе подобные нормы претерпели большую трансформацию и не оказывают безусловного влияния.

Некоторые авторы обоснованно предлагают оценивать уровень бедности по широкому спектру индикаторов, включая величину прожиточного минимума, уровень доходов, качество питания, систему соцобеспечения и т.д.⁶

Для оценки динамики уровня бедности в регионах СКФО рассмотрим численность населения со среднедушевыми доходами ниже величины прожиточного минимума за 2013-2019 гг. (рис.1).

Рис. 1 – Динамика численности населения со среднедушевыми доходами ниже величины прожиточного минимума в РФ в целом и в субъектах СКФО, %

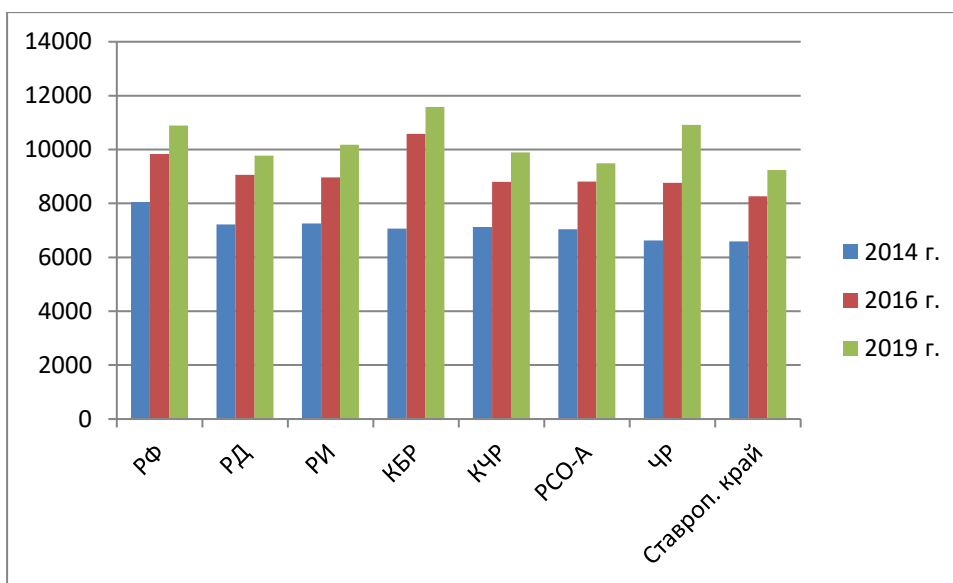
Если в России в целом в 2013 г. бедными были 10,8% от всего населения страны, то в субъектах СКФО были заметны явные региональные различия в доле бедных граждан. В Дагестане, судя по данным Росстата, удельный вес бедных был даже ниже среднероссийского показателя (10,2%), а в Ингушетии (20,3%) и Карачаево-Черкессии (20,3%) почти в два раза превышал среднероссийский уровень. Достаточно высокий показатель бедности наблюдался в Кабардино-Балкарии (19%) и в Чечне (17,8%), более близкий к

⁶ . Юртикова Н.В. Применение социальных индикаторов для оценки бедности в современной России //Уровень жизни населения регионов России. –2018. – №2 (208).С. 97.

среднероссийскому уровню показатель бедности был достигнут в Северной Осетии (12,6%) и в Ставропольском крае (12,4%).

В 2016 г. численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в России в целом немного выросла (+2,4%). Тенденция роста бедности имела место во всех регионах СКФО, за исключением Чечни, где было отмечено небольшое сокращение доли бедных на 0,5%. Максимальный прирост доли бедных произошёл в Ингушетии(+9%), минимальный в Северной Осетии (+1,7%). На фоне снижения показателя бедности в России в 2019 г. на 0,9% динамика релевантного показателя в регионах Северного Кавказа носила разнонаправленный характер: рост в Дагестане (+1,6%), в Ингушетии (+ 1,2%) и Чечне (+3,4%) и снижение в Кабардино-Балкарии (-1,6%), Карачаево-Черкессии (-0,6%), Северной Осетии (-0,8%) и Ставропольском крае (- 1%).

Для выявления особенностей динамики бедности в регионах СКФО имеет смысл изучение динамики величины прожиточного минимума в них (рис.2).

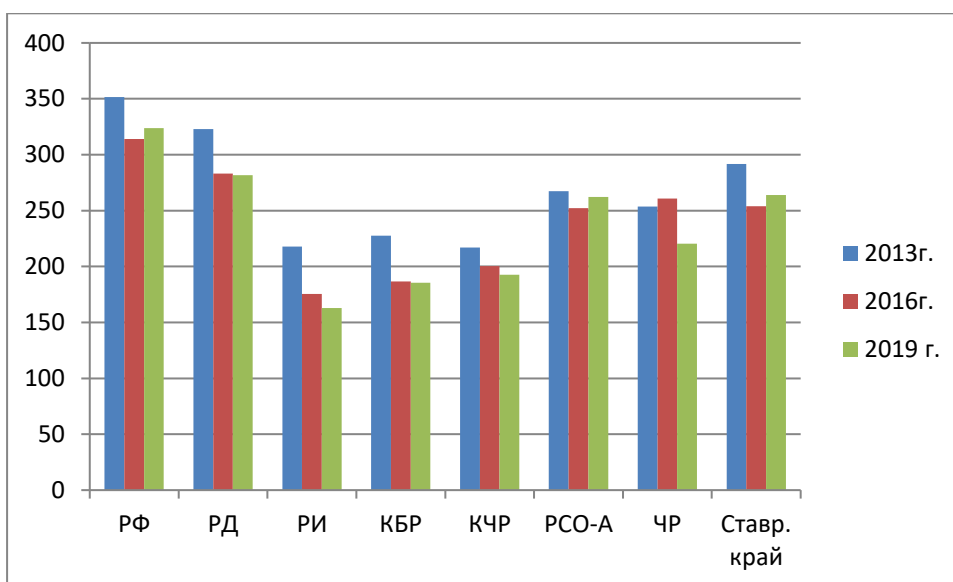

Рис. 2 – Величина прожиточного минимума в целом по России и по субъектам СКФО в среднем на душу населения, руб. в месяц

Анализ динамики величины прожиточного минимума в регионах Северного Кавказа показывает следующее. В 2014 г. среднероссийский показатель величины прожиточного минимума превышал соответствующий показатель во всех регионах СКФО. Разность между субъектами с наибольшим

и наименьшим прожиточным минимумом в макрорегионе составляла 632 руб. С ростом прожиточного минимума в 2016 г. и 2019 г. разброс показателей в отдельных субъектах достигал уже соответственно 2320 руб. и 2341 руб.

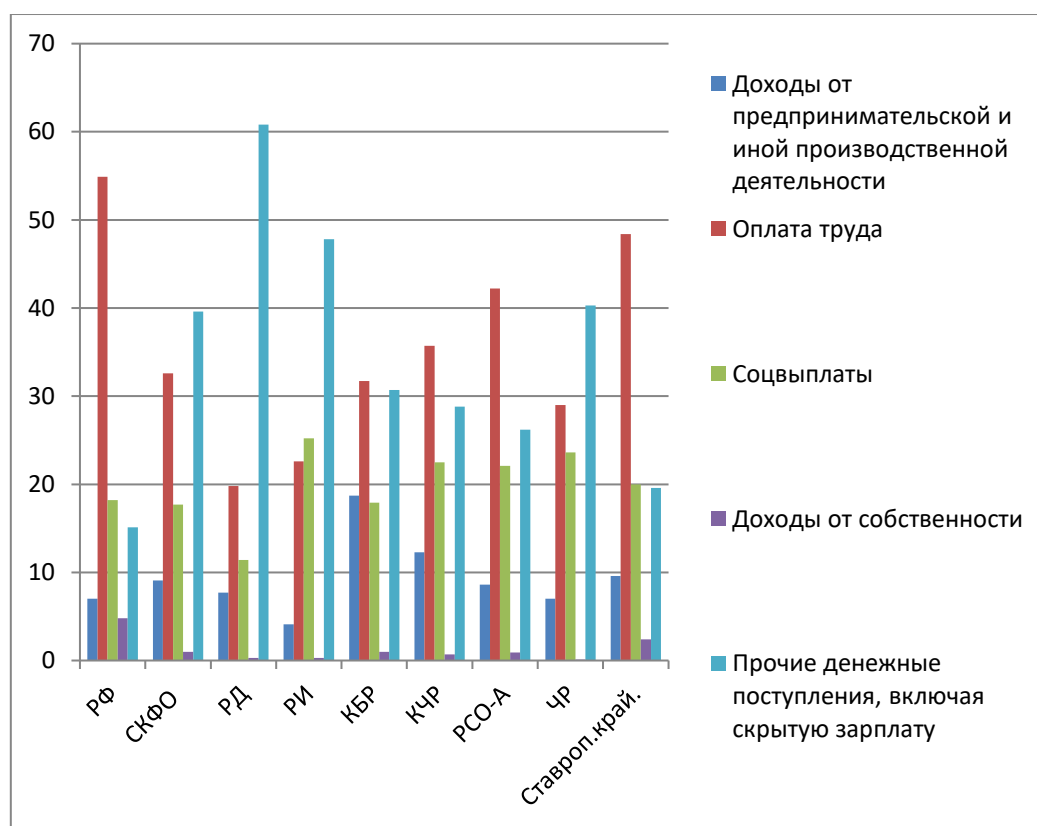
Соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума в целом в России и в субъектах СКФО (рис.3) показывает, что ближе всех к среднероссийскому показателю находился Дагестан, тогда как в Ингушетии это соотношение в течение рассматриваемого периода оставалось почти в два раза меньше и неуклонно снижалось. Алгоритм «падение-рост», характерный для динамики данного соотношения в 2016 г. и 2019 г., повторялся только в Северной Осетии и в Ставропольском крае. В Дагестане и в Кабардино-Балкарии наблюдалась консервация показателя. В Чечне после небольшого роста в 2016 г. произошло падение показателя в 2019г.

Рис. 3 – Соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума в России в целом и в субъектах СКФО, %

Для понимания динамики среднедушевых доходов и величины прожиточного минимума имеет значение и величина, и структура денежных доходов населения. В научной литературе чаще обсуждают величину денежных доходов в регионах СКФО, значительно уступающую среднероссийскому уровню, хотя структура доходов играет не меньшую роль.

Структура денежных доходов населения по источникам их формирования в России в целом и по субъектам СКФО наглядно характеризует отличительные особенности регионов Северного Кавказа в этом отношении. Как видно на рис.4, основным источником денежных доходов населения в 2014 г. в целом в России была оплата труда (54,9%), в то время как в СКФО преобладал, в основном, другой источник – прочие денежные поступления, включая скрытую зарплату (39,6%), а удельный вес оплаты труда составлял 32,6%. В структуре среднероссийских доходов доля прочих поступлений (15%) более, чем в два раза уступала релевантному показателю в северокавказских регионах.

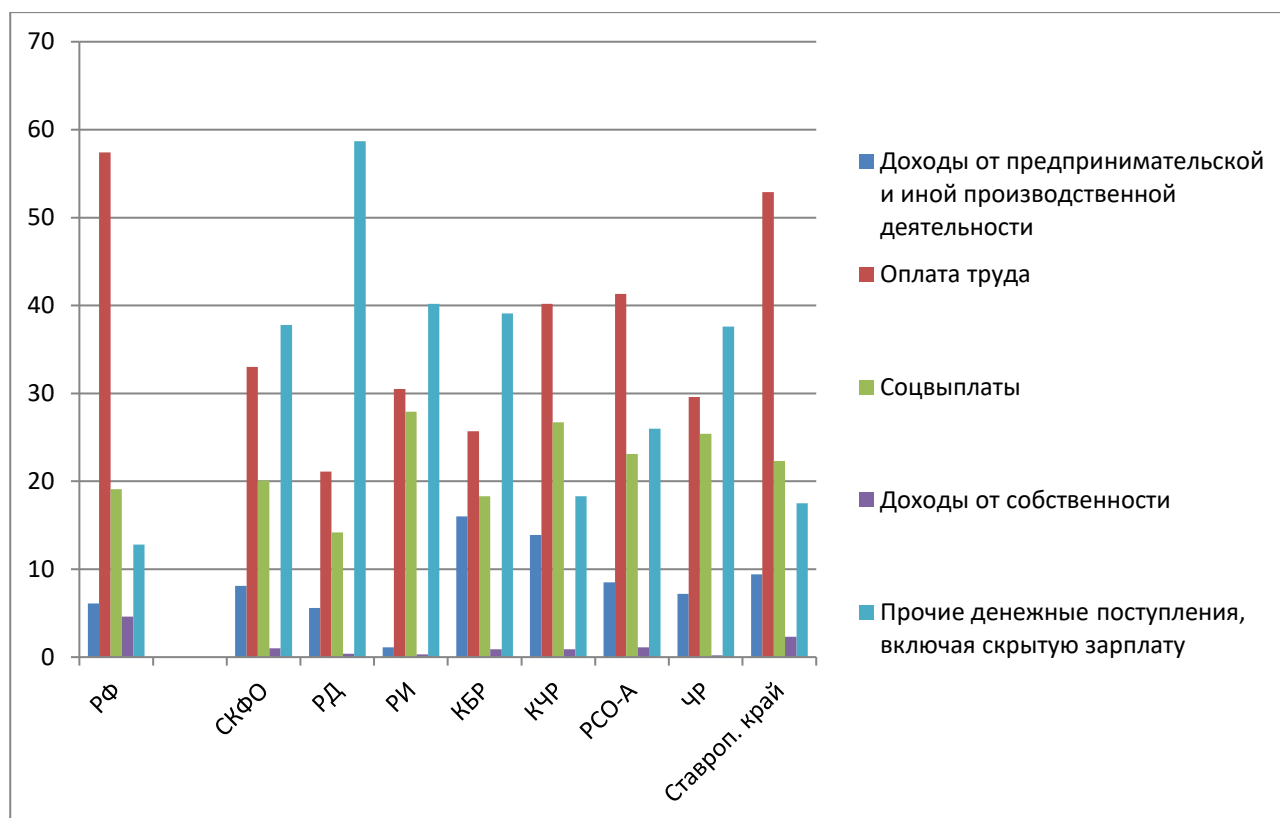

Рис. 4 – Структура денежных доходов населения по основным источникам их формирования в целом по России и по субъектам СКФО за 2014 г., %

Интересен тот факт, что наибольший удельный вес прочих денежных поступлений в структуре доходов был характерен для Дагестана (60,8%) при наименьшей в макрорегионе доле оплаты труда (21%). Также большой удельный вес других доходов был в Ингушетии (47,8%) и Чечне (40,3%) при соответствующей доле оплаты труда 21% и 29%.

Для нашего анализа имеет значение, что доля доходов от предпринимательской деятельности в субъектах СКФО (9%) превышала среднероссийскую долю (7%). При этом в отдельных регионах это превышение было значительным, например, в КБР(18,7%) и КЧР(12,3%), что отражает наличие хорошего предпринимательского потенциала и связанного с ним социального капитала в этих регионах. При эффективной системе госуправления на Северном Кавказе этот потенциал может быть активирован и стать более значимым источником доходов населения.

Анализ структуры денежных доходов населения по источникам формирования в 2018 г. (рис.5) показывает, что по сравнению с 2014 г. в России в целом выросла доля оплаты труда (+2,5%) и доля социальных выплат (+0,9%). При этом произошло снижение удельного веса доходов от предпринимательской деятельности (-0,9%), доходов от собственности (-0,2%) и других поступлений, включая скрытую зарплату (-2,3%).

Рис. 5 – Структура денежных доходов населения по основным источникам их формирования в целом по России и по субъектам СКФО за 2018 г., %

Основные тенденции динамики структуры доходов населения в регионах СКФО развивались преимущественно в том же направлении, что среднероссийские показатели. Но рост доли оплаты труда (+0,4%) был явно меньше среднероссийского(+2,5%), а вот рост доли социальных выплат в северокавказских субъектах (+2,4%) превысил рост доли соцвыплат в целом в России (+0,9%). Снижение доли других поступлений, включая скрытую зарплату, в регионах СКФО (-1,8%) происходило в меньшей мере, чем в РФ в целом (-2,3%). В отдельных субъектах СКФО преобладали тенденции динамики, противоположные общим трендам в макрорегионе. В частности, в КБР наблюдалось снижение удельного веса оплаты труда в структуре доходов (-6%) и рост доли других поступлений (+8,4%).

Немного уменьшились в 2018 г. по сравнению с 2014 г. доля доходов от собственности в России в целом (с 4,8% до 4,6%) и доля доходов от предпринимательской деятельности (с 7% до 6,1%). В регионах СКФО наблюдалось снижение доли предпринимательства (с 9% до 8%) и сохранение доходов от собственности на уровне 1%.

Таким образом, анализ динамики структуры денежных доходов населения по источникам формирования наглядно демонстрирует, что основным источником доходов в России в целом является оплата труда, а в регионах Северного Кавказа – другие поступления, включая скрытую зарплату. Поскольку другие денежные поступления включают ненаблюдаемые и неverifiedируемые доходы, естественным образом возникает вопрос об их обоснованности и рисках искажения информации о доходах населения. С другой стороны, более высокий уровень безработицы в субъектах СКФО, в среднем более, чем в 2 раза превышающий уровень безработицы в РФ, и коррупционная рента обуславливают очень высокую долю других поступлений в структуре денежных доходов населения.

Включение в 2019 г. Кабардино-Балкарии в пилотный проект России по повышению реальных доходов граждан и снижению уровня бедности создает

возможность в будущем распространения на другие регионы СКФО лучших практик проекта.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что проблема бедности и выработка адекватных мер по её сокращению требует не только адекватной экономической политики государства в сфере заработной платы, но и изменения политики в сфере занятости населения, формирование условий для существенного расширения доли доходов от собственности и предпринимательской деятельности, что особенно актуально для регионов СКФО. В свою очередь, это обуславливает необходимость трансформации сложившейся модели ориентации на минимальный размер оплаты труда и его слабой привязки к реальному прожиточному минимуму. Преодоление бедности в стране есть не только экономическая задача повышения доходов населения, сколько архиважная проблема формирования широкого слоя среднего класса общества, что является одним из условий стабильного процветания государства в условиях рыночной модели хозяйствования.

Библиографический список

1. Бикеева М.В. Бедность в России: ключевые подходы к анализу и оценке// Статистика и экономика. – 2018 – Т.15 – № 3. С.23-28.
2. Гордиевич Т.И. Неравенство и бедность: современные тенденции/ Т.И.Гордиевич, П.В. Рузанов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2019. – №1 (35). С.178–184.
- 3.Зубова Л.Г. Неравенство и бедность в России: динамика, причины, необходимость преодоления // Народонаселение. – 2017. – №3 (77) – С.104–113.
4. Магомедова Д.Г. Факторы бедности в регионах Северного Кавказа // Вопросы структуризации экономики. – 2012. – №3. – С.161-165.
- 5.Нестерова С.И. Исследование регионального уровня бедности в российской Федерации // Вестник НГИЭИ. – 2018. – №11– С.33-43.
6. Рахаев Б. Проблемы бедности на Северном Кавказе / Б. Рахаев, А. Рахаев, Б. Бизенгин // Общество и экономика. – 2014. – №1. – С.154-178.

7. Юртикова Н.В. Применение социальных индикаторов для оценки бедности в современной России //Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – №2 (208) – С. 95– 98

References

1. Bikeeva M.V. Poverty in Russia: key approaches to analysis and evaluation// Statistics and economics. – 2018 – Vol. 15 – №. 3. – pp. 23-28.

2. Gordievich T.I. Inequality and poverty: modern trends/ T. I. Gordievich, P.V. Ruzanov // Nauka o cheloveka: gumanitarnye issledovaniya. – 2019. – №1 (35). – p. 178–184.

3. Zubova L.G. Inequality and poverty in russia: dynamics, causes, the need to overcome // Population. – 2017. – №3 (77) – p. 104-113.

4. Magomedova D.G. factors of poverty in the regions of the north caucasus // Issues of structuring the economy. – 2012. – № 3. – p. 161-165.

5. Nesterova S.I. Research of the regional level of poverty in the Russian Federation // Vestnik NGIEI. – 2018. – № 11-p. 33-43.

6. Rakhaev B. Problems of poverty in the North Caucasus / B. Rakhaev, A. Rakhaev, B. Bizengin // Society and Economy. – 2014. – № 1. – pp. 154-178.

7. Yurtikova N.V. Application of social indicators for poverty assessment in modern Russia // The standard of living of the population of the regions of Russia. – 2018. – № 2 (208) – pp. 95-98